

Н.И. КАРЕЕВ

ДВА НОВЫХ НАУЧНЫХ ТРУДА ПО СОЦИОЛОГИИ
(НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2–54. Автограф.
Подлинник. Черновик)

Аннотация. Обзор Н.И. Кареева посвящен работе П.А. Сорокина «Система социологии». Он был написан осенью 1920 г. и прочитан в виде доклада на заседании Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского. Рецензия, подробно освещающая идеи П.А. Сорокина, состоит из шести частей. Она является самым обстоятельным обзором труда молодого социолога. Несмотря на кажущуюся критичность, рецензия носит благожелательный характер: в 1922 г. Н.И. Кареев даже выступил в качестве оппонента на публичном диспуте П.А. Сорокина. Выявленный в личном фонде Н.И. Кареева в Отделе рукописей РГБ документ публикуется впервые.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, П.А. Сорокин, «Система социологии», рефлексология, психологизм, взаимодействие индивидов, элементарные группы.

Совсем недавно вышло в свет два больших русских труда по социологии, авторами которых являются преподаватели этого предмета в Петербургском университете — предмета, тоже недавно сделавшегося одною из наук академического преподавания. Оба этих труда я не замедлил прочесть и о каждом из них написать по критической статье, из которых одна была написана осенью 1920 года, вторая — зимой 1921 года¹, и в этом же порядке, в каком они были написаны, они были мною прочитаны в виде докладов в Русском социологическом обществе имени М.М. Ковалевского. Печатаю их теперь в той последовательности, в

Кареев Николай Иванович (1850–1931) — выдающийся социолог и историк, один из создателей российской социологии, представитель ее психологического направления. Основные проблемные области исследования — метод социального познания; коллективная психология как основа общества; исторический процесс. Идеальный источник социологии Кареева — позитивизм (контизм). К главным социологическим работам относятся докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» (вышла в двух томах в 1883 г.), «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890). «Историко-философские и социологические этюды» (1895), «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1896), «Введение в изучение социологии» (1897), «Историка. Теория исторического знания» (1913), «Историология. Теория исторического процесса» (1915), «Общие основы социологии» (1919).

¹ Имеется в виду работа К.М. Тахтарева «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (1919). Текст Кареева о ней планируется опубликовать в следующем номере. — *Прим. ред.*

какой они читались в заседании этого общества, хотя порядок выхода самих книг был обратный².

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА³

Сентябрь 1920 г.
[Петроград]

<...>

I

(Л. 2) Четверть века тому назад, в своем «Введении в изучение социологии»⁴ автор настоящей статьи подвел все социологические теории XIX века под органицистическое, дарвинистическое, психологическое и экономическое направления, разумея под последним экономический материализм, и подвергнув критике каждое из них⁵, высказав при этом ту общую мысль, что в каждом из них есть своя доля научной истины. Этим из социологии устранялась всякая монистическая однобокость и рекомендовался синтез отдельных направлений, предполагающий сам по себе не монистическую, а плюралистическую ориентацию. За этот же плюрализм я высказывался очень определенно и в «Общих основах социологии», вышедших в свет в 1918 (sic!) году⁶. Из четырех указанных монизмов // (л. 3) два имеют биологический характер, т. е. с одной стороны приложение общества к организму, с другой — приравнение общественной жизни к видовой. Ранее всего из социологической литературы выпало это второе направление, но и первое не пережило XIX века. В начале XX века спор мог происходить только между двумя чисто социологическими монизмами, выдвигающими вперед или исключительно экономическую (материальную) или исключительно психическую (духовную) природу общества, но с самого начала экономический материализм был более партийной идеологией, чем чисто объективной теорией, главное же развитие социологии шло по линии синтеза односторонних социологических взглядов, однако на почве все-таки психологизма, поскольку в основе и самих экономических явлений лежит психическое взаимодействие индивидов.

² Приписка карандашом: «Набирать прежде «Сист[ему] соц[иологии]» Сорокина, в рукописи которой 54 страницы, потом «Науку об общ[ественной] жизни» Тахтарева, в которой 49 страниц. Рукописи одна на обороте другой».

³ Авторское примечание: «Проф[ессор] П.А. Сорокин. Система социологии. 1920. 2 тома».

⁴ Книга вышла в свет в 1987 г.

⁵ Авторское примечание: «Четвертое из них было подвергнуто критике в отдельной книге “Старые и новые этюды об экономическом материализме” (второе издание называется “Критика экономического материализма”, в “Собрании сочинений”, т[ом] III)».

⁶ «Общие основы социологии» были опубликованы в 1919 г.

Современная социология все более и более делается плюралистично-синтезирующей. Она принимает в расчет, во-первых, и то, что человечество есть животный вид, в жизни которого — как индивидуальной, так и социальной — действуют общие законы органической жизни. В частности, влияние // (л. 4) на социальную жизнь оказывают биологические различия особей, составляющих общество, т. е. различия расовые, половые, возрастные. Далее, отвергнув отождествление общества с организмом, современная социология тем не менее восприняла некоторые⁷ соображения социологов-органицистов, касающиеся [общих свойств и] общей тенденции всякой организованности. В самом экономическом материализме, как это было мною отмечено в «Старых и новых этюдах» о нем⁸, возникло направление к сближению с психологическим направлением, которое, в свою очередь, все более, конечно, принимает в расчет материальную, экономическую сторону социальной жизни, отрешаясь в то же время от односторонностей интеллектуализма (идеологизма) и эмоционализма в объяснении социальных явлений, и все более принимает в расчет волевую сторону психики, проявляющуюся, главным образом, в поведении людей. Вот это-то самое поведение и сделалось за последние десятилетия особым предметом социологического изучения, — поведение в зависимости от расовых, половых и возрастных особенностей индивидов, от культурных и социальных влияний и т. д.

(Л. 5). Сравнительно с тем временем, когда писалось [упомянутое выше] «Введение в изучение социологии», эта наука далеко шагнула вперед. Уже в этой книге было указано, как выросла к концу XIX века социологическая литература, сколько стало издаваться посвященных социологии периодических органов, как наука эта начала делаться предметом академического преподавания и пр. и пр., но за четверть века во всех этих отношениях были сделаны новые и новые успехи. Особенно же важно то, что стали все в большем и большем количестве появляться специалисты-социологи.

Прежде обыкновенно социология была, так сказать, добавочным предметом занятий для философов, юристов, экономистов, историков, психологов, [статистиков] или просто даже публицистов⁹. Это не могло не отражаться на содержании и характере их трудов, на разном понимании представителями всех этих специальностей самой сущности социологии, ее задач, ее методов, благодаря чему любому сборнику статей разного социального (но не социологического) содержания давалось название «социологических этюдов, очерков» и т. д. Пока социологическая литература была незначительна, пока не существовало специальной периодической прессы в этой области, пока социология не была предметом

⁷ Исправлено с: «некоторые частные соображения».

⁸ Имеется в виду работа Н.И. Кареева «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (СПб., 1896).

⁹ Исправлено с: «журналистов».

университетского преподавания, // (л. 6) такое положение дел было допустимо, но в настоящее время специальная литература так разрослась и сама социология так усложнилась, что необходимо образование особо профессии социологов наряду с историками, юристами, экономистами и т. п. [*специалистов*], которые не отвлекались бы от своего [*прямого*] дела следить за движением науки и [*деятельно*] участвовать в этом движении, работая над научными проблемами социологии как таковой.

II

В 1920 году на русском языке появилось начало обширного труда, рассчитанного на ряд томов под общим заглавием «Система социологии». Два напечатанных¹⁰ в 1920 г. тома этого труда озаглавлены «социальная аналитика» и заключают в своем тексте 820 страниц (357+463)¹¹. Автор его, молодой ученый П.А. Сорокин, с самого начала своей деятельности определился как социолог. Во-первых, он выступил таковым в своей книге «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) и в ряде отдельных статей, а во-вторых, и преподавательскую свою деятельность он начал (в Психоневрологическом институте) по социологии же. Таким образом, автор является в полном смысле специалистом по социологии, для которого эта наука не *Nebenfach*¹², как это у нас было до сих пор, а главная, основная специальность. Только будучи прежде // (л. 7) всего социологом, можно задумать такой обширный труд, как лежащая перед нами книга А.П. Сорокина, рассчитанная, как сам он думает, по меньшей мере, на восемь томов, т. е. на 3280 страниц, если следующие тома будут такого же объема как первые два. О том же [*самом*], т. е. что автор — настоящий специалист, свидетельствует громадная его начитанность в новейшей социологической литературе. До сих пор мы в России были знакомы преимущественно с работами французских, английских и немецких социологов¹³, а А.П. Сорокин¹⁴ широко пользовался, кроме того¹⁵, американскими и итальянскими книгами и статьями. Можно даже сказать, что в некоторых отношениях автор находился под особым влиянием американской социологии, в свою очередь пролагавшей новые пути и мало считавшейся или даже вообще не считавшейся с традициями старой, европейской социологии. Свободен от них и П.А. Сорокин: для него и органическое, и дарвинистическое, и материально-экономическое направление — давно уже преодоленные штандпункты¹⁶. Если он посвятил

¹⁰ Исправлено с: «вышедших».

¹¹ Авторское примечание на обороте листа: «Нужно отметить, что автор пишет очень размашисто и что в интересах не только читателя, но и его самого изложение должно быть гораздо более сжатым».

¹² *Nebenfach* — второстепенный предмет (*нем.*).

¹³ Исправлено с: «ученых».

¹⁴ Исправлено с: «автор Системы социологии».

¹⁵ Исправлено с: «еще».

¹⁶ Штандпункт — точка зрения (*нем. standpoint*).

первый том своего труда памяти М.М. Ковалевского и Е.В. Де Роберти как своих «учителей», то из этого еще не следует, чтобы он продолжал «школу» того и другого. Особенно // (л. 8) это следует сказать относительно первого [из учителей]. М.М. Ковалевский никогда сколько-нибудь обстоятельно не занимался отвлеченными вопросами общей социологии и вопросами социальной статики, в частности: его специальностью было изучение первобытной социальной культуры с применением к нему¹⁷ историко-сравнительного метода, что, собственно говоря, составляет [очень и даже очень] малую часть социологии, тогда как П.А. Сорокин придает весьма важное значение [именно] общей теории и особенно выдвигает вперед вопросы социальной статики и для решения последних обращается не к первобытной культуре, а к современности, что особенно характерно для американцев¹⁸. Больше у него точек соприкосновения с Де Роберти; но и о том, чтобы в данном случае П.А. Сорокин принадлежал к его «школе», равным образом не может быть речи. В этом меня убеждает хотя бы просмотр страниц первого тома (10 и след[ующих]), где речь идет о взаимных отношениях биологии и психологии, с одной стороны, и социологии, с другой, — предмет, по которому у Де Роберти¹⁹ были особые взгляды.

Ввиду грандиозности задуманного автором научного здания, ввиду значительности [уже] выполненной его части, ввиду хорошей подготовки автора, позволившей ему отразить // (л. 8а) на своем труде современное состояние науки, «Система социологии» П.А. Сорокина заслуживает большого внимания, а потому и должна быть предметом детального разбора.

Уже в краткой рецензии первого тома, напечатанной мною в «Вестнике литературы» за 1920 г. (№ 7), я как на наиболее бросающуюся в глаза черту указал на то, что «из всех прежних направлений социологии П.А. Сорокин примыкает более всего к психологическому, конечно, в его интерментальном, или коллективном понимании», так как видит в социологии науку о «поведении взаимодействующих людей и о его результатах». Не могу не выразить сочувствия такой ориентации, потому что сам давно уже разлагал всю культуру (как духовную, так особенно общественную) на единичные акты взаимодействия между людьми, или на их «акции» и «реакции»²⁰. Боюсь только, что мы не сойдемся здесь в одном важном пункте.

¹⁷ Исправлено с: «этому».

¹⁸ Авторское примечание на обороте листа: «“Социология” Ковалевского (1910) даже дала повод Э.Л. Радлову написать в “Очерке истории русской философии”, что эта наука “до сих пор еще ушла весьма недалеко от своего родоначальника Конта” (стр. 89)».

¹⁹ Исправлено с: «у второго учителя нашего автора».

²⁰ Авторское примечание: «Еще в “Основных вопросах философии истории» (1883) и в “Сущности исторического процесса” (1889–1890), в последнее время см...».

По собственным словам П.А. Сорокина, «социология до сих пор была наукой, в значительной мере изучающей психические реальности», которые, как он выражается, «непосредственно не даны наблюдению, не имеют предметного характера», которые «нельзя ощупать, взвесить и измерить». По мнению автора, задача времени — освободиться от этого «психологического субъективизма». Раз, думает он, «психология из науки о неуловимых состояниях сознания превращается в объективную науку о поведении человека, или в рефлексологию или в физиологию нервной системы», то и «социология должна постепенно превратиться из науки о психических реальностях в объективную дисциплину, изучающую явления предметного характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие ощупывание и измерение». Такими явлениями он считает «акты, внешние двигательные реакции индивида, живущего в среде себе подобных», т. е. именно явления взаимодействия людей. Ставя социологии задачу «освободиться от субъективного психологизма», он, однако, сам считает ее «сейчас не вполне осуществимой» (т[ом] I, с[траницы] X–XI)²¹.

Во-первых, неверно, что в социологии такое важное место принадлежало изучению «психических реальностей», или «состояний сознания». Наоборот, // (л. 10) главенствующим содержанием социологии были «предметные» явления, каковой характер имеют [*внешние*] практические отношения между людьми с их результатами в виде государства, социального строя, народного хозяйства и действующего права. Если социология и интересовалась до сих пор такими «психическими реальностями», как религия, [*философия*], мифология, искусство и т. п., то главным образом в их отношении к всякого рода учреждениям. Лично я охотно отношу всю духовную культуру (идеи) к ведению коллективной психологии, оставляя за социологией изучение общественной культуры (учреждений), соглашаясь, однако, что в социальной психологии можно видеть только особый отдел социологии²², — как, [*впрочем*], на дело смотрит и [*наш*] автор (I, с. 19–20).

Во-вторых, совершенно элиминировать из социологии рассмотрение «состояний сознания» — дело и невозможное, и ненужное, да и не должное. Автор увлечен новейшей «рефлексологией» и думает, что пока только сведение психики на рефлексы не удастся, но что в будущем это осуществится (стр[аницы] XI, 11, 15 и др[угие]). Не будем, [*пожалуй*], настаивать на невозможности замены одного другим, но если бы даже такое сведение психологии на // (л. 11) рефлексологию и было осуществимо, это не помешало бы нам видеть в «состояниях сознания» нечто

²¹ Указание на страницы приводится Н.И. Кареевым в соответствии с изданием: *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Пг.: Изд-е тов-во «Колос», 1920; Т. 2. Социальная аналитика. Пг.: Изд-е тов-во «Колос», 1920.

²² Авторское примечание: «Общие основы социологии».

отличное от рефлексов. Сам же автор пишет (I, 15): «Явления человеческого взаимодействия пока что несводимы к чисто биологическим процессам», но «если даже они будут сведены, то от этого анализа они не перестанут быть процессами *sui generis*²³». Неужели, [*спрошу я*], социология выиграет, а не проиграет, наоборот, если мы будем созерцать взаимодействия между людьми, не имея ни малейшего представления о том, какими внутренними переживаниями сопровождаются эти взаимодействия, как их причины или *как их* следствия. Это были бы [*только*] кинематографические сеансы без каких бы то ни было пояснительных текстов.

П.А. Сорокин спрашивает: «...изучать ли в явлениях взаимодействия только внешние акты или вместе с ними и те психические переживания, которыми они в ряде случаев сопровождаются» (I, 50). Положительный ответ на этот вопрос он считает невозможным по двум причинам: по неопределенности самого понятия «психического» и его синонимов и по недоступности психики прямому наблюдению (I, 51). Он, конечно, не отрицает существования психики, но только находит, что понятие психики страдает неопределенностью, откуда, я думаю, вытекает задача — сделать его, для себя, по крайней мере, более определенным, т. е. менее расплывчатым // (л. 12) и противоречивым, чем у других, как это делает сам же автор по отношению к некоторым другим понятиям (напр[имер] к понятию класса), [*да и к самому понятию психического, когда ему это понадобилось (I, 63 и сл[едующие])*]. Не отрицая существования психики, он предпочел бы, однако, обходиться в социологии без изучения чужих субъективных переживаний, если бы это было возможно. «Я, — говорит он, — не могу согласиться на то, чтобы исключить начисто психические переживания из области изучения. Для этого время еще не пришло. Быть может, в будущем, с развитием точных, объективных дисциплин, это и удастся. По крайней мере, лично я этого хотел бы, и есть основания думать, что прогресс науки ведет в этом направлении. Но пока слишком еще несовершенны и незначительны данные, добытые объективизмом, чтобы можно было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности» [(I, 63)]. Автор называет это решением спора между «субъективистами» и «объективистами» в социологии, но это — не [*принципиальное*] решение спора, а компромисс половинчатого характера: в теории я, дескать, согласен с мнением одних, но на практике буду держаться мнения других. Так именно и говорит автор, указывая на то, что «хотение» у него одно, а делание другое. Он не отказывается от пользования // (л. 13) логическими терминами, но только «сводя это до минимума», не отказывается обращаться к анализу субъективно-психических переживаний, но «только в исключительных случаях» и под условием «введения возможной точности в сферу изучения подобных явлений» (I, 63).

Вообще П.А. Сорокин, очень определенный и решительный в других вопросах, в этом вопросе производит впечатление, какое мы получаем от

²³ *Sui generis* — букв. своеобразный, единственный в своём роде (*лат.*).

человека, колеблющегося на занятой им позиции. При том «хотении», в котором он сам признался, можно было бы ожидать, что он будет постоянно против, [как он выражается,] «загрязнения» (I, 51, 62, 68 и др[угие]) социологии психологизмом, но на деле этого нет. Если нам даны не прямо психические переживания других, а лишь внешние проявления²⁴ последних, то отсюда, говорит он, «ничуть не следует, что они вообще не могут познаваться и что поэтому лучше совсем их игнорировать» (I, 68). Если далее автором на первый план выдвигается объективный метод, [как он его называет], то, с другой стороны, было бы, с его точки зрения, «ошибкой сказать, что изучение психических переживаний ровно ничего не может прибавить к пониманию и изучению явлений человеческого общения» (I, 70). Еще бы! — хочется воскликнуть, читая эти слова. «Иными словами, — сказано тут же, — // (л. 14) следует ли отказаться от методов объективной психологии и признать совершенно бесплодным всякое привлечение субъективных психических переживаний к делу уяснения и понимания социальных фактов? Думается, что положительный ответ на этот вопрос был бы ошибкой» (I, 71).

Это осторожное, нерешительное «думается» вместо более категорического выражения очень характерно для автора в данном вопросе, и только несколько дальше он выражается уже смелее: «...последовательные объективисты хотят совершенно игнорировать субъективную сторону явлений, я же настаиваю (подчеркивается мною. — *Н.К.*), что для уяснения и большей точности обращение к этой стороне в ряде случаев необходимо» (I, 73). «Объективисты хотят», — но не признался ли сам П.А. Сорокин, несколькими страницами выше, в совершенно таком же «хотении». И вот, в конце концов, им прямо заявляется, что «в социологии в качестве вспомогательного метода может быть допущен и метод интроспекции, обращающийся к анализу психических переживаний людей» (I, 76). Есть поговорка: «начал за здоровье, а кончил за упокой», а здесь [только] вышло наоборот: начато было за упокой психики, а кончилось за ее здоровье.

Это, впрочем, кажется, единственный случай во всей книге, где мысль автора так колеблется, где он теоретически хочет одного, на деле же // (л. 15) проявляет хотение противоположное. И оказывается, что возделенное элиминирование из социологии признается не только пока невозможным, но и вообще ненужным, недолжным.

К счастью, П.А. Сорокин везде поступает несогласно со своим теоретическим «хотел бы». С объективистической точки зрения, напр[имер], ему незачем было бы делить акты человеческой деятельности на сопровождаемые сознанием и бессознательные (I, 108). С той же точки зрения не имела бы смысла и его формула трех стадий взаимодействия, т. е. а) психического переживания; б) превращения его в непсихическую форму мимики, слова, жеста и т. п. и с) вызова ими в другом субъекте известного психического переживания (I, 115–116). Можно даже сказать,

²⁴ Исправлено с: «внешних переживаний этих явлений».

что понятие психических переживаний играет особенно большую роль в теории взаимодействий между людьми, развиваемой автором в I томе. То и дело в книге рядом со словом «поведение» стоят слова «и психические переживания», как они и именуется, причем, напр., говорится об обмене переживаниями [*всех видов*]: и познавательными, и эмоциональными, и волевыми (I, 221). Я мог бы привести великое множество примеров того, что автор, вопреки своему // (л. 16) правилу свести до минимума пользование психологическими терминами и то лишь в исключительных случаях, прибегает к ним — и в большом количестве, и постоянно. Эту непоследовательность я ставлю ему, однако, в заслугу.

Прибавлю к [*сказанному*] только еще одно: во II томе [П.А. Сорокин] дает классификацию элементарных (неразложимых) группировок населения, и в ней рядом с биологическими категориями расы, пола, возраста, рядом с группировкой языковой и рядом с другими чисто социальными группировками (государственной, профессиональной, имущественной, территориальной, юридической, [равными]²⁵ по объему прав и обязанностей) даются еще группировки по сходству внутренних переживаний, каковы группировки: по религиозным верованиям, по партийности и другие [*подобные*], «в зависимости от характера и содержания психических (идеологических, чувственно-эмоциональных и волевых) запросов личности» (т[ом] II, гл[ава] II, § 3).

В результате выходит, что, несмотря на теоретическое отрицание психологизма в социологии, на самом деле автор «Системы социологии» примыкает к психологическому (не биологическому и не узко экономическому) истолкованию общественных явлений, принимая, как мы мимоходом видели, в расчет // (л. 17) и интеллектуальную, и эмоциональную, и волевою сторону психики, равно как, нужно добавить, и физическую, конечно, природу человека. В последнем отношении характерны параграфы об отношениях между социологией и биологией (I, 10–16), об основных биологических и психических свойствах индивидов (I, 82–85), о потребностях человека (I, 87–101) и о влиянии расы, пола и возраста на социальную жизнь (II, 88–114) и некоторые другие места.

III

По определению П.А. Сорокина, «социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой» (I, 2). По причине, указанной выше, для меня такое определение приемлемо. «Явление взаимодействия [*людей*], — говорит он в другом месте, — дано тогда, когда: а) психические переживания или в) внешние акты, с) либо то или другое одного (одних) из людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов» (I, 44). Такое понимание // (л. 18) взаимодействия я тоже принимаю, так как давно и сам оперирую этим понятием в одинаковом смысле. Но с

²⁵ В рукописи стоит знак «=».

употреблением этого термина у критикуемого автора вышло небольшое неблагополучие. Взаимодействие, или, как у нас раньше писали (напр[имер] П.Л. Лавров) «взаимодействие», есть именно действие взаимное, двустороннее, действие А на Б и ответное действие Б на А, акция одного и реакция (реагирование) на нее другого. Между тем наш автор сплошь и рядом говорит как о взаимодействии о действии одностороннем А на Б без ответного действия Б на А. Он принимает, напр., «взаимодействие между живыми и мертвыми», иллюстрируя это тем, что «Спенсера и Маркса нет уже» в живых, а между тем «они продолжают влиять на множество людей нашего времени» (I, 117, [ср[авни] на стр[анице] 343 то же «взаимодействие между живыми и мертвыми»)), но ведь мы-то ни на Спенсера, ни на Маркса не влияем. В другом месте тоже говорится о «взаимодействии» между умершим художником Левитаном и нами, с которыми он якобы «продолжает взаимодействовать» (II, 132–133). Усматривается взаимодействие и в том случае, когда А бьет Б, а Б на это не реагирует никаким действием (I, 200). Чтение научных книг кажется автору тоже каким-то взаимодействием (I, 223). Или еще — взаимодействие усматривается между отравителем, дающим яд, и его жертвою (I, 229). Мало того, // (л. 19) автором прямо допускается *contradictio in adjecto*²⁶, когда он говорит об «одностороннем взаимодействии», в котором переживания и поведение одной стороны зависят и обуславливаются другой стороной» (правильнее: зависят от другой стороны и ею обуславливаются), причем «переживания и поведение последней не зависят от первой» (I, 201). Где же тогда взаимное действие, если оно одностороннее, а не двустороннее? «В общественных взаимоотношениях людей, — читаем мы тут же, — немало таких форм одностороннего взаимодействия», но раз здесь имеются в виду односторонние действия, то они уже не могут называться взаимными. Правильно так можно называть только акции, сопровождаемые реакциями, т. е. когда «поступки и переживания индивидов, — как выражается сам автор, — взаимно обусловлены: А раздражителен для Б, а Б раздражителен для А» (I, 202), понимая под раздражением возбуждение или вызов актами одних людей ответных актов со стороны других.

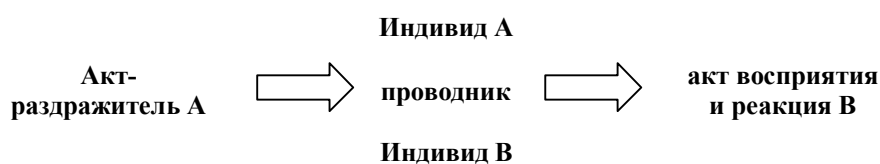
Изучению взаимодействия посвящены в первом томе две главы, занимающие около десяти печатных листов (стр[аницы] 77–231). Во всей системе П.А. Сорокина это — первый шаг: «аналитика простейшего социального явления». Роль такого явления играет у него не индивид (стр[аница] 78), а взаимодействие между индивидами. Возможность этого явления дается при наличности нескольких влияющих друг на друга индивидов, совершающих // (л. 20) известные акты и пользующиеся при этом теми или другими проводниками (стр[аница] 82) П.А. Сорокин²⁷ рассматривает поочередно все три пункта (индивиды, акты, проводники).

²⁶ *Contradictio in adjecto* — объяснение от противоположного (лат.).

²⁷ Исправлено с: «автор».

В первом отношении он подчеркивает существование «полиморфизма индивидов, т. е. их физического, психического и социального несходства», и классифицирует потребности человека с обращением особого внимания на потребности психические (общения с себе подобными и деятельности интеллектуальной и волевой, равно как чувственно-эмоциональных переживаний). Далее он рассматривает «акты людей как раздражители», называя раздражением, коротко говоря, вызов поступками одного поступков другого (или его психических переживаний). Здесь дается им и классификация актов-раздражителей. Наконец, он изучает свойства и роль «проводников», передающих «психическую энергию от индивида к другому». Это очень разработанный отдел с тонким анализом и детальной классификацией проводников.

Процесс действия одного человека на другого рисуется автором как трехчленный: «а) сначала дано психическое переживание в субъекте, в) затем оно превращается в непсихическую форму, в то или другое внешнее явление, в раздражитель (мимика, слова, жесты, // (л. 21) знаки и т. п.), а с) раздражитель, действуя на другого субъекта, вызывает в нем ряд психических переживаний, т. е. приобретает снова психическую природу» (116–117). Схематизируется это так (F, 118):

Все это прекрасно, но я нахожу, что в исследовании П.А. Сорокина есть важный пробел. Классифицируя (притом очень подробно) «виды взаимодействия в зависимости от характера актов», он, между прочим, говорит о взаимодействии сознательном и бессознательном, об интеллектуальном, чувственно-эмоциональном и волевом, но везде им имеется в виду приведенная схема. Обращаю внимание на то, что в ней акт восприятия влияния индивидом и его реакция рассматриваются как один момент, тогда как подобные случаи бывают лишь в чисто механических явлениях и лишь в явлениях рефлекторных. Катится по бильярду выточенный из кости шар и задевает другой такой же шар, который тоже приходит в движение: вот акция А и реакция В. Сонному человеку садится на лоб муха (акция), и у него происходит сокращение соответственного // (л. 22) мускула (реакция). Начальник военного отряда произносит ту или другую команду (акция), и отряд моментально ее исполняет (реакция). Прохожий А нечаянно толкает прохожего В (акция), на что тот отвечает бранью или также толкает (реакция). Все это такие случаи, когда схема П.А. Сорокина вполне применима: между актами восприятия и реагирования на них нет особого промежуточного момента. Но вот такой случай: А оскорбляет В, но В по той или другой причине не

реагирует немедленно, а хранит обиду в сердце своем и долго думает о том, как и когда отомстить обидчику, т. е. между обидой-акцией и мстью-реакцией существует длительное психическое переживание, которого не было бы, не будь обиды, и без которого не было бы, в свою очередь, мести. Если внешние действия мы обозначим буквами А (action) и R (reactio), а причинную связь между ними знаком +, то в случаях первого рода дозволительно выразить событие формулой A+R, но для случаев второго рода нужна будет уже другая формула A+ (M) + R, причем средний момент обозначен буквой М (mens), а заключение этой буквы в скобки // (л. 23) символизирует его психическую (скрытую, внутреннюю природу) в отличие от внешних актов нанесения оскорбления и отмщения за нее. Случаи этого рода, когда внешнее действие вызывает внутреннюю психическую переработку воспринятого прежде чем на акцию последует ответная реакция, П.А. Сорокин совершенно игнорирует, а между тем такая категория психических взаимодействий имеет громадное значение, что мною было очень подробно разъяснено в книге «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»²⁸, где наш автор вообще нашел бы немало мыслей, родственных его собственным²⁹. Он вообще смотрит на этот предмет слишком рефлексологично: только под влиянием такой ориентации он и мог выразить желание, чтобы когда-нибудь психические моменты были вытравлены из социологии. Если бы он более внимательно отнесся к внутренней психической переработке // (л. 24) внешних «раздражителей», он не наговорил бы столько о возможности социологии, совершенно не заглядывающей во внутренний мир индивидов.

Тогда, вероятно, он и не написал бы многого в параграфе второго тома (стр[аницы] 446–457), где почти вся индивидуальная жизнь представляется как «выполнение тех функций, к которым толкают нас связанные с нами социальные группы»: все [здесь] сводится к таким «толканиям», «давлениям», «дерганиям». Для П.А. Сорокина человек является буквально каким-то граммофоном, в который извне социальными группами, его, человека, в себе заключающими, вкладываются то одни, то другие пластинки. Постоянным для него остается только наш организм как «телесный носитель различных душ», то вынимаемых из него, то в него вкладываемых. «В течение каждого дня, — говорит он, — в нас, как в граммофоне, постоянно меняются души-пластинки, совершенно отличные друг от друга» (446). Или еще то же содержание в утверждении: «подобно граммофону, они (люди) биологически те же, но социально они иные: старые пластинки из них вынуты и вложены на их место новые» (456). «Мы, — говорит еще автор, — похожи на шар, который с разных сторон непрерывно толкают разные силы. Шар крутится. Его

²⁸ Книга вышла в Санкт-Петербурге в 1890 г.

²⁹ Авторское примечание: «По этому вопросу см[отри] в этой книге особенно главу VI первой части (стр[аницы] 158–268 по 2 изданию, 1914 г.).»

движение будет // (л. 25) равнодействующей этих сил. Поведение индивида — равнодействующая давления тех (социальных) групп, вольным или невольным абонентом коих он состоял и состоит» (448). Все это очень рефлексологично... и очень односторонне. Нужно только надеяться, что в будущей социальной механике П.А. Сорокин станет на более верную точку зрения. Со стольким в его книге мне приходится соглашаться или потому, что я и раньше думал таким же образом, или потому, что новые соображения, какие я в ней встретил, оказались для меня очень убедительными, но весь этот³⁰ рефлексологизм в понимании реакций на акции для меня совершенно неприемлем.

IV

Идем дальше. Я вполне разделяю убеждение автора, что «взаимодействие есть единственное основание для образования всякого реального коллективного единства» (233). Принимаю и его методологический // (л. 26) вывод, что «первым шагом к анализу строения всякого народонаселения является анализ его с точки зрения количества и качества составляющих его индивидов, характера их взаимоотношений и проводниковых связей» (I, 236). Подписываюсь и под следующими словами: «Общество, или коллективное единство как совокупность взаимодействующих индивидов существует. В качестве такой реальности *sui generis* оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но вопреки реализму общество существует не вне и не независимо от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов» (247). В данном вопросе я никогда и не был чистым номиналистом, хотя, действительно, высказывался в близком к нему смысле (242), имея в виду не возможность общества вне его членов и независимо от них, но всегда различая между общественной связью индивидов и простым их сосуществованием. В существенных чертах мое согласие простирается и на всю главу первого тома, рассматривающую «условия (факторы) возникновения, сохранения и // (л. 27) исчезновения простых коллективных единств» (249–355), тем более что здесь, в этой главе, мы находим множество давно уже известных и общепринятых истин и космических (физико-химических, биологических и социально-психических) условий возникновения, сохранения и исчезновения общественных связей. Подчеркиваю только, что автор особенно настаивает на такой же, как у биологических потребностей, реальности потребностей социально-психических, т. е. «общения с себе подобными, [психологического] обмена идеями, чувствами, волнениями людей друг с другом» (271 и след[ующая]). Подчеркиваю и то, что изложенная здесь теория имеет резко плюралистический характер. П.А. Сорокин³¹ даже дает ряд

³⁰ Исправлено с: «излишний».

³¹ Исправлено с: «автор».

критических замечаний о разных монистических теориях, к числу которых относит и теорию одного из своих учителей Де Роберти (283). Как условия возникновения коллективных единств отличаются множественностью, так и множественны у П.А. Сорокина и условия их сохранения, в числе которых особенно подробно он рассматривает социально-психические (307–342), подводящиеся богатым содержанием итоги под массой наблюдений и выводов, имеющих в [научной] литературе.

С моей точки зрения, если только различать социологию и социальную психологию, то в первую очередь должны быть отнесены все социальные организации, по отношению к которым особенно уместен // (л. 28) социологический реализм, крайним выражением которого и была органистическая школа. Для понимания и оценки социальной аналитики П.А. Сорокина очень важно коснуться вопроса, как он сам представляет себе существование вырастающих на почве психического взаимодействия социальных организаций.

Уже классифицируя взаимодействия, он между прочим различает два их вида — шаблонные и нешаблонные, определяя первые как такие, в которых обмен акциями-реакциями носит «однообразную, стереотипную форму» (214). «Всякое длительно существующее коллективное единство [— читаем мы в другом месте, —] по мере своего существования из бесформенного становится оформленным, из нешаблонного — шаблонным, из беспорядочного — упорядоченным, короче, из неорганизованного — организованным» (339), причем «порядок установления организации группы совершается двояким путем: бессознательным и сознательным» (440). Последняя прибавка очень важна ввиду существования целого ряда теорий, которые принимают только первый путь (генетический, по терминологии Лестера Уорда) образования организаций, отвергая второй (антропно-телеологический, по той же терминологии). Стадиями самопроизвольного, спонтанного возникновения организаций автор считает // (л. 29) 1) акты взаимодействия, 2) их повторение, 3) обычай, 4) юридическое правило, 5) юридический институт как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений и в) социальная организация как совокупность юридических институтов данной группы населения» (340). Это путь зарождения организации первым путем, и неизвестно только, почему в данной схеме дан пример юридической шаблонизации. При сознательном установлении организации процесс ее рождения короче.

У автора «шаблонизация» и «организация» — синонимы. Но я их различил бы, разумея под первую установление известных [культурных] форм, в которых протекают акты человеческой деятельности, а под вторую — социальных институтов, ставящих людей в то или другое практическое отношение одних к другим. Напр[имер], язык шаблонизируется, государство организуется и т. п.³² Я думаю, // (л. 30) что такое различие

³² Авторское примечание: «Это различие между культурными формами и социальными институтами сделано было у меня еще в “Основных

пригодилось бы П.А. Сорокину в деле классификации и характеристики элементарных коллективных единств. Группировку по языкам, по профессии, по степени богатства и бедности я отнес бы к первой категории, ибо они могут существовать и без [всякой] организации и достаточно лишь наличием индивидов, говорящих на данном языке, занимающихся известной профессией, обладающих большим или малым имуществом, как представителей таких-то и таких-то культурных или социальных групп, тогда как в группировке семейной, государственной, партийной и т. п. организованность есть *conditio sine qua non*³³, и индивиды в них являются уже членами этих организаций. Языковая группа как таковая даже не может быть организованной, тогда как другие группы способны организоваться на государственный [или партийный] манер, что относится и к профессиям, и к имущественным различиям, и к религиозным группам, когда последние организованы в церкви.

Очень интересен параграф об «условиях (факторах) распада и зарождения коллективных единств (342–355). Его исходная точка зрения заключается в глубоко верном указании на эволюционную текучесть социального бытия. «Там, — говорится в самом начале параграфа, — где люди сосуществуют друг с другом, постоянно происходит не только возникновение процессов взаимодействия // (л. 31), но и их распад. То, что называется общественной жизнью людей, представляет непрерывный поток возникновения процессов взаимодействия, сохранения их на более или менее продолжительное время и распада. На место распавшихся коллективных единств приходят новые и рано или поздно опять распадаются». В этом параграфе тоже рассматриваются факторы космического, биологического и социально-психического порядка и опять-таки с решительно плюралистической точки зрения, что [даже] подчеркивается (344 и 355).

Оканчивая этим рассмотрение I тома «Социальной аналитики», [еще укажу на сделанный на страницах 334 и сл[едующих] краткий обзор связей, заставляющих индивидов жить совместно и делающих их сложным коллективным единством. Перечисляя эти объединения, автор указывает на те многочисленные и разнообразные связи, которые их создали и поддерживают, единства же эти следующие: тотемическая группа, родовой союз, территориально-племенная община, средневековый (почему только именно средневековый) город, государство, современное [(почему только современное?)] государство. Конечно, это только примеры, а не исчерпывающий перечень // (л. 32).

V

Посвятив почти весь первый том своего труда анализу строения простейшего социального явления, во втором томе П.А. Сорокин³⁴

вопросах философии истории» (1883), развито в «Сущности исторического процесса» и повторялось».

³³ *Conditio sine qua non* — обязательное условие (*лат.*).

³⁴ Исправлено с: «автор».

рассматривает строение сложного социального агрегата, каковым является всякое население. Там, [в первом томе], изучались междуиндивидуальные отношения, здесь предметом изучения являются отношения междугрупповые. Всякое население представляет для автора «сложный социальный агрегат, состоящий из совокупности действующих лиц, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число коллективных единств (слоев), которые уже в свою очередь распадаются на индивиды» (II, 15). Называя социальной группировкой индивидов более тесное тяготение одних из них к другим в данном населении, рассматривая при этом не мнимые коллективные единства (например группы имеющих одинаковые формы носа), а реальные единства, в которых бывает дана функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов, имеющая при том различные степени интенсивности, автор совершает очень важную социологическую работу, которую можно поставить ему в особую заслугу.

Еще в самом начале своих занятий социологией я придавал большое значение тому, что один и тот же человек одновременно может входить в разные общественные целые, границы которых не // (л. 33) совпадают между собою, причем имел в виду, напр[имер], границы национальностей, вероисповеданий, государств. В этом было одно из моих возражений против органистической теории, делавшей из личности клеточку лишь одного какого-либо социального организма³⁵. Да и в других случаях я делал отсюда выводы для обоснования своего взгляда на условия [возможности] эмансипации личности от [исключительного] влияния одной какой-либо культурно-социальной среды. Поэтому я не мог не отнестись иначе, как с симпатией, к следующему заявлению П.А. Сорокина: «социальная разнородность процессов взаимодействия влечет за собою многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами, с одной стороны, с другой же — принадлежность каждого индивида не к одной, а к ряду реальных совокупностей» (25). Эту свою мысль он прекрасно аргументирует, комментирует и иллюстрирует графическими схемами. «Эта принадлежность индивида к ряду систем взаимодействия, — заключает он, — представляет собою сложную совокупность координат, определяющих и характеризующих его социальное положение // (л. 34) и его социальную физиономию» (34). По поводу последних слов замечу, что в данном случае автор выражается как бы в духе моего различения между социальной организацией, в которой можно занимать известное положение, и культурной группой, придающей индивиду определенную физиономию. Далее, «чем, — говорит еще автор, — дифференцированное и сложнее та человеческая среда, в которой данный индивид живет, и чем более индивиды отличаются друг от друга, тем система характеризующих индивида социальных координат будет сложнее и подробнее» (35). С этой точки

³⁵ Авторское примечание: «Основные вопросы философии истории».

зрения П.А. Сорокин критикует старый социологический взгляд, по которому существует некоторое «единое общество», противопоставляемое личности (37 и след[ующие]).

Эта критика основательна и остроумна. Я читал ее с тем большим удовольствием, что сам склонялся к тому же кругу идей. Отказавшись от понятия единого общества и заменив его // (л. 35) представлением о «множестве обществ или систем взаимодействия» (44), П.А. Сорокин прибавляет, что эти группы, или слои «идут и горизонтально, и вертикально, и во всех других направлениях, пересекаясь, скрещиваясь и пронизывая друг друга» (45), с тем отличием одних от других, что одни более важны, другие менее значительны в смысле своего влияния. Все дело 1) в количестве членов группы, в степенях ее; 2) распространенности; 3) солидарности; 4) организованности; 5) в имеющемся в ее распоряжении техническом аппарате воздействия на поведение людей (17 и след.). В разные времена и у разных народов наиболее важные группы не одни и те же (54).

На этом не останавливается анализ единого общества, но и сами группы классифицируются как элементарные коллективные единства, как кумулятивные коллективные единства и как сложные социальные агрегаты (55 и след[ующие]). Все зависит от того, происходит ли объединение на основе «какого-либо одного признака, достаточно ясного и определенного, не сводимого на другие признаки» или когда объединяют сразу несколько сходных элементарных признаков, или же имеется еще более сложное единство, образуемое сочетанием нескольких элементарных либо кумулятивных либо тех или других групп. Каждой категории этих соединений во II томе отведено по одной главе. Самая большая из них, в 175 страниц // (л. 36) (62–236), посвящена элементарным группам, но и две остальные³⁶, меньшие, имеющие одна 70 стр[аниц] (237–306), другая — сорок (307–346), достаточно велики для того, чтобы можно было уже из самого размера этих глав [сделать вывод], с какой подробностью рассматривается здесь предмет.

Как и в других случаях, и здесь автор критикует существующие по вопросу взгляды. Он очень убедительно доказывает, что в этом вопросе³⁷ социологическая мысль ушла очень недалеко, так как социологи им или почти не занимались, или занимались крайне поверхностно (73). Тем больше здесь заслуга самого автора, оговаривающегося, что в его классификации возможны по новости ошибки.

Для современного населения культурных стран к числу важнейших элементарных группировок он относит: 1) расовую, 2) половую, 3) возрастную, 4) и 5) по принадлежности семейной и государственной, 6) языковую, 7) профессиональную, 8) имущественную, 9) объемно-правовую (по объему прав и обязанностей), 10) территориальную,

³⁶ Исправлено с: «другие».

³⁷ Исправлено с: «в нем».

11) религиозную, 12) партийную и 13) психо-идеологическую (76). Между ними он различает, далее, группировки закрытые, открытые и промежуточные (79), неизбежные (например первую) или только возможные (последние) и т. п., еще раз противопоставляя свой социологический плюрализм всяким «однобоким» монизмам. О каждой из этих группировок он говорит с хорошим знанием относящихся к ним фактов и ученых мнений, широко пользуясь современной // (л. 37) антропологической, социологической и т. д. литературой. Критические его замечания также очень ценны, что особенно относится к обычному определению государства специалистами соответственной науки (125–145). Иногда он здесь выступает не только критиком, но и полемистом, разбирающим не только ученые мнения, но и публицистические рецепты (напр[имер] по вопросу об отечестве, стр. 171–173), причем во многих местах им использованы сочинения социалистов, коммунистов, синдикалистов и анархистов. Прибавлю, что к № 13 в перечне группировок отнесены научные и наукообразные общества, ассоциации и объединения, разные любительские кружки, кооперативы, акционерные компании и пр. и пр. Особый параграф посвящен группе «elites», т. е. выдающихся личностей, хотя эта группа и не есть реальная коллективность, в связи с чем автор делает несколько беглых замечаний о великих людях, об интеллигенции и т. п.

Очень обстоятелен П.А. Сорокин в своем учении о том, как элементарные группы соединяются в кумулятивные, которые он классифицирует в зависимости от числа кумулируемых групп, от их характера, от способа их кумуляции. Во всем этом весьма много нового, так как некоторых проблем в этой области социологи и не ставили (249). В даваемой автором классификации отмечу кумуляции солидарные, антагонистические и нейтральные (242–243), нормальные и ненормальные (248–264), типические и нетипические для // (л. 38) различных эпох и стран (264–269). Свое стройное учение автор с полным на то правом противопоставляет крайней хаотичности теперешней социологической литературы, где понятия «общества», «народа», «племени», «нации», «класса» и т. п. отличаются неопределенностью и имеют потому разное значение (269). Понятиям «национальности» и «класса» он посвящает два особых параграфа, в которых допускает, к сожалению, резкие отзывы (бессодержательная болтовня, стр[аница] 275 и 279), хотя по существу и может быть назван правым. Термин «национальность» он сравнивает с термином «овощи» и «дичь», понятными в общежитии, но ни в ботанике, ни в зоологии не употребляемыми. Этот термин нужно, говорит он, или «выбросить за борт науки как совершенно испорченный, или употреблять в смысле кумулятивной группы определенного состава» (282). И то и другое одинаково законно, но во втором случае он рекомендует разуметь под национальностью лишь территориально + языковые + государственные или стремящиеся стать государственными (как это характерно для XIX и XX вв.) группы. В параграфе о том, что называется социальным классом, на более чем двадцати страницах (283–306) автор прежде всего приводит 32 размытых мнения о том, какие классы существуют в

обществе³⁸, некоторые из которых // (л. 39) разбирает. К числу последних относится и понимание класса у Маркса и Энгельса, которому отказывается в ясности (292–293), равно как и понимаю того же у их последователей (294–296). И здесь рекомендуется «или элиминировать из науки такой испорченный термин, или придать ему вполне определенное значение» (297). Как для понятия национальности, этой для нашего времени «нормальной, солидарной и типичной» кумулятивной группы (283) берется соединение территориального, языкового и государственного признаков, так и класс определяется в терминах нормальной, солидарной и типичной для нашего времени «кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной, 2) имущественной и 3) объемно-правовой» (298). Эти два анализа могут служить иллюстрацией того, в каком смысле в книге вообще говорится о кумулятивных группах.

Элементарные и кумулятивные группы, это — [два] первых этажа; третий этаж составляет сложный агрегат всего населения земного ли шара, отдельных ли государств или разных его частей. Изучая этот последний этаж, П.А. Сорокин прежде всего ставит вопрос о правильной классификации обществ, отвергает существующие, хотя бы и полученные путем применения сравнительного метода, объявляемого им устаревшим и далеким от точности (311), — характерные для ученика // (л. 40) М.М. Ковалевского. Главнейшие социологические классификации сложных социальных агрегатов подвергаются основательной критике (318–331). Одни классификации страдают «однолинейностью», т. е. основываются лишь на одном каком-то признаке, тогда как автор и здесь стоит принципиально за плюрализм (316, 318 и др[угие]), другие же, исходящие из комбинации нескольких признаков, остались неразработанными или неверными в частностях, все же они для автора являются неморфологичными, так как не «различают социальных групп по их строению» (329); причину [или одну из главных причин] этого П.А. Сорокин правильно полагает в «отсутствии социальной статистики в учениях социологов». «Социология, — поясняет он свою мысль, — чуть не вся ушла в область изучения эволюции общества. Социальная статистика числилась в качестве отдела социологии, но большинством социологов не наполнялась никаким систематическим содержанием. При таких условиях неизбежным было игнорирование проблем морфологии и анатомии общества» (330). Это вполне верно, и большая заслуга П.А. Сорокина заключается в том, что он взял на себя труд заполнить указанный пробел и притом не только морфологии и анатомии, но и того, что в разных местах он называет «химией общества».

Задачу собственной анатомо-морфологической систематики наш социолог видит в том, чтобы «располагать в одних и тех же группах сложные социальные агрегаты, сходные // (л. 41) по совокупности анатомо-морфологических признаков, характеризующих строение сложного

³⁸ Авторское примечание: «Между прочим, мнение М. Агриппы (!) рядом с мнениями Платона и Саллюстия (283)».

социального агрегата, в частности по характеру типичных кумулятивных и элементарных группировок» (339). «Ничего подобного еще в социологии не сделано», — можем мы сказать вместе с П.А. Сорокиным (340), а потому «систематика социальных агрегатов вся еще в будущем» (341). Пока приходится «довольствоваться намеченной программой», в которой автор особенно подчеркивает ее всесторонность: «сходство групп в одном каком-либо отношении ничуть не мешает быть различными в ряде других отношений» (343). Задача дана: инициатору ее и решать. Вопросы о возможности ее решения я здесь не касаюсь, хотя меня и берет сомнение относительно этого пункта: не всякий идеал осуществим. Но *in magnis et voluisse sat est*³⁹.

Скажу, впрочем, несколько слов о главных основаниях моего сомнения. Между равными сторонами общественной жизни в каждой стране есть то, что Конт называл «консенсусом» (законы сосуществования общественных явлений, изучаемые социальной статикой), но здесь происходят столь разнообразные комбинации даже однородных элементов, что каждый отдельный случай сложного агрегата // (л. 42) как бы генетически разнится от другого. Сам автор говорит, что такая задача потребовала бы «анатомии всей истории человечества» (342), и вот в качестве историка, ставившего себе, между прочим, типологические задачи⁴⁰, могу только указать на то, до какой степени социальная морфология мало поддается систематике по образцу ботанической и зоологической, которые П.А. Сорокин имеет в виду.

Собственно говоря, на этом месте и могла бы быть окончена «Социальная динамика» П.А. Сорокина, но он еще разъясняет и дополняет сказанное особой главой, рассматривающей социальные перегруппировки, или изменения строения сложных социальных агрегатов вследствие 1) переходов индивидов из одной группы в другую, 2) исчезновения самих групп и появления новых и 3) замены прежней сложной группировки новой с гетерогенным характером (347–442). Это // (л. 43) целый трактат почти в сто страниц, предвосхищающий некоторые вопросы социальной механики, но действительно вносящий известные разъяснения и дополнения во все предыдущее с массой статистических данных и даже пояснительными чертежами (последние на стр[аницах] 349 и 351). И в данной главе П.А. Сорокин проявил большую фактическую осведомленность, значительную научную начитанность и силу аналитической мысли. Интересны и общие его выводы. Суть их в следующем. «Строение социального агрегата представляет равновесие не неподвижное и застывшее, а подвижное», хотя, конечно, «степень эластичности и упругости различных социальных агрегатов неодинакова». Однако, «подвижное равновесие социального агрегата не означает коренное изменение

³⁹ *In magnis et voluisse sat est* — в великих делах достаточно и одного желания (*лат.*).

⁴⁰ Авторское примечание: «См. пять томов моих «Типологических курсов по истории государственного быта»».

его скелета: ... вариирование происходит, так сказать, в пределах одного и того же расслоения между отдельными его группами, но не ведет к полному исчезновению очередных основных линий элементарного расслоения... Вот почему все социальные реформы и революции изменяли не столько скелет социального тела, сколько (образно говоря) его одежды (лучше было бы сказать: покровы. — *Н.К.*), мускулы и состав индивидов-клеток, заполняющих тот или иной этаж социального агрегата» (441–442). Каждый // (л. 44) историк, я думаю, охотно подписался бы под таким заявлением.

VI

Остается рассмотреть последнюю главу II тома — о «положении личности в системе социальных координат».

Прежде несколько общих замечаний о научной позиции П.А. Сорокина.

Свою *profession de foi*⁴¹ он коротко сформулировал в предисловии к первому тому (стр[аницы] IX–XII). Его принципы таковы: 1) «социология может и должна строиться по типу естественных наук», 2) «изучать мир людей таким, каков он есть», 3) «быть объективной дисциплиной» в смысле «освобождения от психологического субъективизма», а на основании всего этого 4) «должна прекратить “философствование”» ([слово] поставлено в кавычках. — *Н.К.*) и 5) разорвать с несчастной идеей монизма — незаконным детищем незаконного брака социологии с “философией”» (опять последнее слово в кавычках). С пунктами первым, вторым и первой половиною пятого я согласен, о несогласии с третьим уже в своем месте высказался, и остаются только четвертый и дополняющая его вторая половина пятого, по поводу которых нужно кое-что сказать прежде чем перейти к последней главе второго тома, заключающей в себе целое «философствование». //

(Л. 45) Против «философствования» П.А. Сорокин высказывается неоднократно на разных страницах обоих томов, противопоставляя его «изложению данных опыта и наблюдения» и отождествляя его с умозрением, в частности натур-философского или социального характера. Говоря об отношении социологии к другим наукам (I, 5–36), он даже совсем устраняет вопрос о философии. Этика [*в социологии*] тоже не пользуется уважением автора, хотя он и принимает необходимость практической социологии (I, 42–43). Выражение его на этот счет очень резко: это — «бессодержательные, хотя и напыщенные системы морали, большей частью представляющие набор елейных фраз, неспособных что-либо изменить», и [*такую*] этику у него заменяет указанная практическая социология. В этом пункте, сказать кстати, я коренным образом расхожусь с автором: пусть [*теоретическая*] социология будет чистым, объективным знанием, пусть существует и практическая социология, но она может только диктовать «рецептуру» (выражение автора) средств для

⁴¹ *Profession de foi* — исповедание веры, мировоззрение (*фр.*).

достижения целей, которые может устанавливать только исследование должного, а не данного в наличности. //

(Л. 46). Автор везде выступает позитивистом в широком смысле слова, да и я, его критик, считаю себя позитивистом в смысле признания непознаваемости «вещи в себе» и недоверия к метафизике, но *est modus in rebus*⁴². П.А. Сорокин хватается через край и, будучи по временам психологом в социологии, признается открыто в своем желании как-нибудь элиминировать все, что пахнет внутренним опытом *ad majorem gloriam*⁴³ объективной науки. Но довольно об этом. Перейдем к теме.

Если бы я хотел острить, то объявил бы автора «Системы социологии» спиритом за то, что, [*как мы видели*], он признает *expressis verbis*⁴⁴ «взаимодействие живых и мертвых» (I, 117 и 343). Теперь уже без шутки я могу обвинить нашего позитивиста в возвращении к анимистической натурфилософии. «Старые анимистические представления народов, — говорит он, — признавали существование нескольких “душ” или нескольких “я” в одном и том же индивиду. Современная психология порвала с верованиями. Она признает в каждом из нас одно “я”. Патологические случаи раздвоения личности ею рассматриваются как нечто исключительное. И каждый из нас думает, что наше “я” едино и единственно. Между тем, дело обстоит не так. Старые представления в своем // (л. 47) существе ближе к истине» (I, 448). Итак, если мы «думаем», что «я» каждого из нас едино, то это нам только так кажется, это только феномен нашего внутреннего опыта, «дело» же, т. е. объективная сущность (платоновский ноумен, кантовская вещь в себе), «обстоит» так, что «к истине ближе» ... «старые анимистические представления» о нескольких душах в одном и том же индивиду, чем современная психология, «порвавшая с такими верованиями» и рассматривающая случаи раздвоения личности как нечто исключительное, ненормальное, патологическое. Автор и в науке замечает поворот в эту сторону, но указывает только на теории Де Роберти и Дюркгейма, различающих в каждом индивиду «я» биологическое и «я» социальное в смысле двух групп состояний сознания, выражающих или наш личный организм, или то, что из нас делает культурно-социальная среда. Это понятно и по существу верно, но П.А. Сорокину такого дуализма мало. Теории Де Роберти и Дюркгейма, это, [*говорит он*], «только первый шаг, необходимо пойти по этому пути дальше... Я утверждаю, — говорит он, — что наше “я” мозаично и плюралистично» (444). И он заходит так далеко, что у него человек уподобляется граммофону, // (л. 48) в который вкладываются извне разные пластинки. Сейчас я ласкаю своего ребенка: это во мне действует семейная душа-пластинка, но если я религиозен и, поласкав своего ребенка, становлюсь на молитву, это уже будет результатом того, что в мой психический

⁴² *Est modus in rebus* — всему есть предел; все имеет свою меру (*лат.*).

⁴³ Перефраз. *Ad majorem Dei gloriam* — к вящей славе Божией (*лат.*).

⁴⁴ *Expressis verbis* — отчетливыми словами, совершенно четко, с полной ясностью» (*лат.*).

аппарат вложилась религиозная душа-пластинка. Но пора и за работу, положим, я — профессор, и вот, когда я читаю лекцию, в моем психическом граммофоне вертится профессиональная душевная пластинка. Это не карикатура, не шарж, а изображение дела у самого автора. Опыт наблюдения «нам говорит, что и мое “я” и “я” моих родных, знакомых и вообще людей едины», но что такое опыт и наблюдение: если факты противоречат «философствованию», тем хуже для фактов. Я пойду еще дальше П.А. Сорокина и стану утверждать, что во мне много и физических «я», а не одно, как все еще он думает: одно «я» во мне ест и пьет⁴⁵, [*другое ходит*], третье сидит, четвертое слышит, пятое издает звуки и т. д.

Эту постоянную перемену душ-пластинок автор называет еще перевоплощением. Напрасно. Ведь плоть-то, т. е. организм, остается тот же, и не «душа» переселяется по этой теории, из одной плоти в другую, а в одну и ту же плоть заселяются на известное время разные души. Чем, действительно, // (л. 49) не возвращение к анимистическому верованию. Ведь П.А. Сорокин прямо говорил, что в течение 24 часов в каждом из нас то и дело одно «я» сменяется другим, на него непохожим: одно исчезает, другое появляется, совсем новое, «сходное с прежним только по телесной оболочке» (445). Не верь себе, что ты — ты, если не видеть в себе только временной квартиры для поочередно занимающих ее «духов».

В своем месте я указал, что П.А. Сорокин понимает взаимодействие людей слишком механистически и рефлексологично: внутренние акты психической переработки внешних «раздражителей», в которой проявляются личная самостоятельность и самобытность (оригинальность) и возникают личные инициативы, вносящие в жизнь всякую новизну, выпадают из схемы нашего слишком объективистического социолога *ad majorem gloriam* рефлексологии. Отсюда и его уподобление индивида шару, получающему постоянные толчки извне и пассивно им повинующемуся. Отсюда и его взгляд на индивида как на простое место пересечения линий разнообразного социального влияния. Ведь признает же он сам существование «элитов», которые как раз меньше всего обнаруживают механической пассивности и граммофонной // (л. 50) безличности. Нет, автору безусловно нужно пересмотреть все свои, скажу для краткости, рефлексологические увлечения.

Он признает, мы видели это, — единство физического организма, но не распространяет это признание на психический аппарат, т. е. на его характер, темперамент и другие стороны индивидуального «я». Я даже не понимаю, как может он говорить об индивиде в психическом смысле, раз вся психика — какая-то мозаика. Но зато понятно, почему П.А. Сорокин совсем устраняет проблему личности и общества, все споры по которой даже сдает, как сам выражается не особенно деликатно, в «музей чепухи» (457). Ему кажется, что противопоставление личности и общества предполагает несуществующую в действительности «данность

⁴⁵ Исправлено с: «одно ест, другое пьет».

индивида, состоящего вне системы взаимодействия». Нет, не в этом дело, а в противопоставлении индивида или личности как био-психического организма окружающей его культурно-психической среде, в которой, а не вне которой, он находится, противопоставление его как индивидуального «я» коллективному «не-я», как части — целому, которому он, индивид, принадлежит. Это не значит, что личность изымается из общества и что общество мыслится при этом как «целокупное коллективное» единство, стоящее вне индивида. У прирожденной // (л. 51) личности как биопсихического организма свойства могут находиться то в гармонии, то в конфликте с требованиями, предъявляемыми личности каждой общественной средой. Поэтому противопоставлять личность обществу вовсе не значит, как думает П.А. Сорокин (460), «противопоставлять индивида всем остальным индивидам и во всех направлениях».

Сам же он, однако, во многих местах высказывается более правильно, напр[имер], выделяя из массы рядовых членов общества элитов, каждый из которых, «индивидуально взятый, является фокусом влияния и сил, далеко превосходящих силы и влияния отдельных рядовых индивидов» (II, 226). Поэтому он правильно рассуждает, когда говорит, что «не все индивиды по силе своего влияния на других и на ход [общественных] событий равны друг с другом». Но почему одни более пассивно воспринимают внешние влияния и реагируют на них шаблонным образом, другие же подвергают все свои впечатления внутренней переработке и проявляют себя во внешнем мире по-своему? П.А. Сорокин вообще склонен в человеческом поведении видеть только ту его сторону, правда, преобладающую, в которой проявляется пассивно-подражательная сторона человеческой природы и зависимость поведения от одних внешних влияний, давлений, дерганий, т. е. от окружающей культурной и социальной среды, но ведь // (л. 52) бывают же случаи, когда, наоборот, внутренняя переработка личностью культурных и социальных влияний кладет начало новым явлениям исторической жизни и тем самым влияет на окружающую среду. Ведь и это — часть вопроса о взаимных отношениях личности и общественной среды, в которой она живет и действует. Тут мы имеем дело с противоположностями общественной традиции и личной инициативы, бессознательной (в смысле непреднамеренности) социальной эволюции и сознательного индивидуального творчества. В социальной механике П.А. Сорокину не следует отмахиваться от вопросов этой категории, чтобы не впадать в однобокость теорий, видящих в историческом процессе одну только стихийно-органическую (генетическую, по Лестеру Уорду), бессознательно-непреднамеренную эволюцию, когда рядом с ним идет и другой переплетающийся с ним процесс, в котором играет роль человеческое творчество, сознающее свои цели и преднамеренно действующее ради их осуществления (антропoteлеологический процесс, по Л. Уорду).

Впрочем, сам П.А. Сорокин обещает [рассмотреть] такие вопросы, как о взаимоотношении индивидуальной и общественной эволюции, о том, есть ли индивид функция общества или наоборот и т. п. в будущих

томах своего труда (II, 461), где // (л. 53) даже найдется, по его же собственным словам, место и вопрос о том, «благо ли индивида или благо общества» должны служить критерием прогресса и оценки исторических процессов. С его стороны это будет несколько непоследовательно, раз противопоставлять индивида обществу, по его же теории, нельзя и раз в рассмотрении будут сведены понятия блага, прогресса, оценки, но этой непоследовательности и можно только пожелать.

Эти будущие тома «Системы социологии» будут посвящены социальной механике и социальной генетике. Предмет первой — самые процессы взаимодействия людей, иначе их поведение в связи с силами, которыми оно вызывается и определяется, как то намечает⁴⁶ сам автор (I, 38). Что касается до второй, то она будет иметь своим содержанием «исторические тенденции или линии развития», равно как и отклонения, и отступления от них в разные эпохи и в разных сферах общественного взаимодействия. Не могу не приветствовать отделение «механики» от «генетики», поскольку сам уже три десятка лет упорно различаю в историческом процессе прагматическую (действенную) сторону, заключающуюся в поведении людей, и сторону культурно-социальную, состоящую в эволюции форм быта⁴⁷. Нужно только, чтобы // (л. 54) эта механика не была, так сказать, слишком механистична, чтобы люди не уподоблялись в ней шарам, толкаемым с разных сторон, а чтобы было выяснено еще своеобразие психического взаимодействия, как желательно и то, чтобы социальная генетика не была чересчур генетична (в урдовском смысле), а учитывала особенности социальной эволюции сравнительно с эволюцией органической и потому не игнорировала участие в ней сознательного и преднамеренного человеческого творчества. Если, наконец, автор станет писать⁴⁸ и социальную политику, да не забудет он, что без этики здесь уже трудно будет обойтись, как в теоретической социологии без психологии.

С этими пожеланиями по адресу нашего молодого социолога соединяю и надежду, что труд, поднятый им, будет успешно доведен до конца. Начало, в общем, положено хорошее, несмотря на крупные недостатки исполнения. В двух томах «Социальной аналитики» П.А. Сорокина мы, действительно, имеем ценный вклад в социологическую литературу, очень свежий и очень суггестивный.

Н. Кареев

Дата поступления: 18.01.2014.

⁴⁶ Исправлено с: «определяет».

⁴⁷ Авторское примечание: «См[отри] “Сущность исторического процесса...”».

⁴⁸ Исправлено с: «напишет».

N.I. KAREEV

THE TWO NEW SCIENTIFIC WORKS ON SOCIOLOGY

(Scientific-research department of manuscripts of the Russian State Library. Corpus 119. N.I. Kareev. Folder 43. Case 9. Sheets 2–54. Signature. Original. Draft)

The publication prepared by **E.A. DOLGOVA**

Dolgova Evgeniya Andreevna — Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Russian State University for the Humanities (RSUH). **Address:** Kirovogradskaya st., 25\170, Moscow, Russian Federation 117534. **Phone:** +7 (925) 150-52-37.
Email: dolgova-evg@rambler.ru.ru

Abstract. Nikolai Ivanovich Kareev (1850–1931) — prominent sociologist and historian, one of the originators of Russian sociology, represents its psychological field. The major problematic domains of the research are the method of social cognition; collective psychology as the basis of the society; the historical process. Kareev's review is dedicated to the work of Pitirim Aleksandrovich Sorokin "The system of sociology". It was written in the autumn of 1920 and delivered as a lecture at the Russian sociological society M.M. Kovalevsky session.

The review covering P.A. Sorokin's ideas consists of 6 parts. In the first part of the review the author states that there are many trends in Russian sociology such as organicistic, evolutional, psychological and economic. In the second part he briefly reviews P.A. Sorokin's concept and notices its mechanicalness. The third and the fourth part are dedicated to the analysis of the concept of individual interaction. In the fifth part he investigates the principles of collective (elementary and cumulative) unities based on the individual interaction. In the sixth part he writes about the position of the individuality in the social coordinative system. The review is the most detailed (or comprehensive) overview of the young sociologist's work. The main objects of the Kareev's criticism are the method of reflexology that was developed and supported by Sorokin at that time, also his mechanistic representation of a personality in the social frame of axis. Despite the seeming criticism the article is benevolent: in 1922 Kareev was opponent on the public dispute of P.A. Sorokin. The document was discovered in the N.I. Karrev's private fund in the Scientific-research department of manuscripts of the Russian State Library and is published for the first time.

Keywords: N.I. Kareev. P.A. Sorokin, "The System of Sociology", reflexology, psychology, individual interaction, elementary groups.

Received: 18.01.2014.